

Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны в конце октября — начале ноября 1917 г.: практики восприятия и легитимации насилия

Михаил Александрович Кондратьев✉

Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: mkondratyev@eu.spb.ru✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию через призму петроградского самоуправления эскалации гражданского конфликта и постепенного его перерастания в гражданскую войну. Из всего многообразия работ, в которых рассматриваются Октябрьское восстание и первые недели строительства советской власти, одним из наименее изученных остается институт местного самоуправления, а также его влияние на трансформацию политической культуры революции. Однако осенью 1917 г. местные самоуправления были выразителями интересов горожан, важными ресурсными центрами для политических акторов и институциями, претендующими на политическую субъектность. Центральным источником для исследования стали стенограммы заседаний Петроградской городской думы в дни Октябрьского восстания большевиков. Петроградское самоуправление сделало первую попытку определить роль и функции Думы 24 октября, но на многочисленных заседаниях, вплоть до начала ноября, гласные не могли определить место Городской думы в стремительно меняющейся политической обстановке. Также не было конвенционального взгляда на восстание большевиков, а, следовательно, и представлений о законной власти и легитимности насилия. В ходе дискуссий выявилось разделение на несколько условных лагерей, выходящих за рамки типичных бинарных оппозиций кадетов, части эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и радикальных социалистов — с другой. Случаи политического и случайного насилия на улицах Петрограда и Москвы воспринимались большинством гласных как акты, требующие морального осуждения, но в условиях революционного кризиса власти их восприятие быстро рутинизировалось. Общим стало осуждение чрезмерного проявления насилия. Ряд гласных, в независимости от партийной принадлежности, с 25 октября

начали интерпретировать происходящие события как гражданскую войну, что подталкивало их к выбору одной из противоборствующих сторон. Однако только 28 октября Дума выпустила воззвание с указанием на братоубийственную войну, напрямую обвинив большевиков в ее развязывании.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война, Октябрьское восстание, Петроград, городское самоуправление, Петроградская городская дума, легитимация насилия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

Цитирование: Кондратьев М. А. 2024. Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны в конце октября — начале ноября 1917 г.: практики восприятия и легитимации насилия // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 100–119. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-100-119>

Поступила 17.06.2024; одобрена 16.11.2024; принята 02.12.2024

Petrograd City Duma on the threshold of the Civil War in late October–early November 1917: perception and legitimization of violence

Mikhail A. Kondratyev

European University, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: mkondratyev@eu.spb.ru

Abstract. Through the prism of Petrograd self-government, this article studies the escalation of the civil conflict and its gradual development into a civil war. In many studies on the October Uprising and the first weeks the upcoming Soviet power, little attention is paid to local self-government's influence on the transformation of the revolutionary political culture. Meanwhile, local governments became representatives of the citizens' interests, important resource centers for political actors, and institutions claiming political subjectivity. The central source for the study is the transcripts of the Petrograd City Duma meetings during the October Bolshevik Uprising. The Petrograd self-government made their first attempt to determine the Duma role and functions on October 24, but at numerous meetings, up to the early

November, the speakers could not determine the place of the City Duma in a rapidly changing political situation. There was also no conventional view of the Bolshevik uprising, and, consequently, no idea of the legitimate authority and legitimacy of violence. During the discussions, the division into several conditional camps was revealed, going beyond the typical binary oppositions of the Cadets, part of the Socialist Revolutionaries and Mensheviks on the one hand, and radical Socialists on the other. Cases of political and accidental violence on the streets of Petrograd and Moscow were perceived by most of the speakers as acts requiring moral condemnation, but in the conditions of the revolutionary crisis of power, their perception quickly became routine. Condemnation of excessive violence has become common. A number of speakers, regardless of party affiliation, began to interpret the events as a civil war on October 25, which pushed them to choose one of the opposing sides. However, it was only on October 28 that the Duma issued a proclamation pointing to the fratricidal war, directly accusing the Bolsheviks of unleashing it.

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00369 "Processes of Legitimization of Violence: Conflict Cultures in Russia and Civil War Escalation".

Keywords: Russian 1917 revolution, Civil War, October uprising, Petrograd, local self-government, Petrograd City Duma, legitimization of violence

Citation: Kondratyev, M. A. (2024). Petrograd City Duma on the threshold of the Civil war in late October–early November 1917: perception and legitimization of violence. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 100–119. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-100-119>

Received Jun. 17, 2024; Reviewed Nov. 16, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

24 октября 1917 г. в 8 часов вечера в столице Российской Республики началось чрезвычайное заседание Петроградской городской думы, открывшееся эмоциональной речью ее председателя меньшевика-интернационалиста А. А. Исаева.

«Надвигаются, может быть, грозные события <...> Уже в третий раз предстоит нам высказываться по поводу тех событий, которые разыгрываются в столице революционной страны. В первый раз это было во время событий с 3–5 июля, когда мы еще не были освещены тем всеобщим избирательным правом, которое нам было даровано. Во второй раз нам пришлось выступить 28 авг[уста], и ныне в третий раз нам надлежит выступить, и сказать свое твердое и определенное слово <...> чтобы на улицах Петрограда не было той гражданской войны, которая могла бы погубить и родину и революцию»¹.

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ) Ф. 1471. Ед. хр. 2. Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа от 24 октября–29 ноября 1917 г. Т. 1. Л. 1.

Обращение к образам надвигающейся гражданской войны было не ново для Петрограда, его самоуправления и горожан. На протяжении всего 1917 г. разные политические силы регулярно апеллировали к страху перед приближающейся братоубийственной войной, используя его для конструирования своей идентичности, создания образа врага и мобилизации столичного общества. В моменты эскалации гражданского конфликта, Февральской революции, Апрельского и Июльского кризисов и Корниловского выступления, гражданская война переставала быть только страшным образом, а воспринималась некоторыми современниками как уже происходящее событие, заставлявшее разных акторов выбирать одну из противоборствующих сторон [Колоницкий и др., 2022, с. 334–360].

В последние десятилетия проблемы индивидуального и коллективного насилия в революционный период всё чаще привлекают внимание историков. Изучение легитимации насилия и практик его применения становится центральным местом исследовательских оптик для изучения трансформации политической культуры революции, перехода от революции к гражданской войне и эскалации гражданского конфликта [Буддаков, 2010; Бруиш, Катцер, 2014, с. 143–201; Engelstein, 2018; Тепляков, 2023]. Такой подход позволяет иначе взглянуть на историю эпохи войн и революций в России. Так, часть исследователей полагает, что на протяжении всего 1917 г. общество и различные политические акторы, переживая целый ряд конфликтов, сопровождавшихся вспышками спонтанного или организованного насилия, искали в них признаки начавшейся гражданской войны. Если Апрельский и Июльский кризисы большинством современников воспринимались как предвестники братоубийственной войны, то с постепенной поляризацией и радикализацией общества, Корниловщиной и Октябрьским восстанием большевиков для разных политических акторов гражданская война становилась всё более реальной или уже начавшейся (подробнее см. [Колоницкий, Годунов, 2021, с. 78–87; Годунов, 2022, с. 37–59; Тарасов, 2022, с. 81–97]).

Однако зачастую из поля зрения исследователей ускользают местные самоуправления, которые были не просто выразителями и защитниками интересов горожан, важными ресурсными центрами для различных политических сил, но и институциями во время революционного кризиса власти, претендующими на политическую субъектность и играющими заметную роль в трансформации политической культуры революции.

Поэтому цель этой статьи — исследовать восприятие и легитимацию насилия как маркера начавшейся гражданской войны на локальном уровне через призму петроградского самоуправления в октябре — ноябре 1917 г.

Другими словами, автором ищутся ответы на следующие вопросы:

- 1) как муниципальные деятели Петрограда воспринимали политическое насилие, осуществляемое различными акторами во время Октябрьского восстания большевиков и в первые недели новой власти;
- 2) как петроградское самоуправление, избранное демократическим путем на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, реагировало на проявления насилия в столице;
- 3) была ли Городская дума одной из противоборствующих сторон, имеющих легитимное право на осуществление насилия; воспринималось ли насилие на столичных улицах как начало гражданской войны.

Результаты и обсуждение

Легитимность власти Петроградской городской думы в конце августа — октябре 1917 г. строилась на избранности действующего состава гласных на всеобщих демократических городских выборах всеми слоями городского населения, успешности городской политики в преодолении хозяйственного кризиса и способности самоуправления обеспечить личную безопасность горожан и неприкосновенность их движимого и недвижимого имущества.

Однако к октябрю как в Петрограде, так и в других крупных городах европейской части России, общественные настроения стали меняться. Последние предоктябрьские большие городские выборы, прошедшие в Москве 24 сентября и воспринимавшиеся как очередная «последняя» репетиция перед выборами в Учредительное собрание, показали нарастающий абсентеизм городских обывателей, способность большевиков мобилизовать свой электорат и в целом трансформацию общественного настроения. Впервые в 1917 г. на выборах в больших городах умеренные социалисты проиграли, набрав всего 14% голосов, в то время как большевики одержали убедительную победу, получив почти 52% голосов избирателей [Грунт, 1976, с. 232, 234]. На выборах же в Самарскую городскую думу 1 октября эсеры и большевики набрали равное количество голосов [Кабытова, 2012, с. 79]. Как справедливо подметил В. И. Ленин вслед за В. Володарским, удачные для большевиков результаты выборов стали «одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общественном настроении» [Ленин, 1969, с. 278]. На страницах большевистского «Рабочего пути» всё чаще стали появляться ироничные статьи о плохой работе умеренных социалистов и кадетов в муниципальном самоуправлении¹. В главном же печатном органе ЦК партии эсеров высказывались опасения, что конструируемый радикальными социалистами через критику оппонентов образ людей дела возьмет верх «и демагогические навыки [большевиков] окажутся сильнее практических доводов» [Зак, 1917]. Подобная постепенная радикализация политических настроений мобилизованной части общества не могла не беспокоить избранных гласных Думы.

Одновременно с изменением политических настроений населения, в столице продолжал нарастать хозяйственный кризис. В начале октября в Петроград доставили всего 30 вагонов с мукой из необходимых по норме 500, не хватало мяса, рыбы, молока, тканей, обуви, мыла, топлива и других товаров первой необходимости. В эти же дни началась забастовка городских фармацевтов и аптекарей, что оставило значительную часть населения без лекарств [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 329–334].

Не лучше дело обстояло и с общественной безопасностью. Уровень уличной преступности в октябре стал самым высоким за весь 1917 г.: в сентябре было зарегистрировано 30 грабежей против 43 в октябре [Hasegawa, 2017, с. 51]. Резко возросло количество убийств. Если в августе в городских комиссариатах милиции было зарегистрировано 19 убийств, в сентябре — 34, то в октябре — 53 убийства [Hasegawa, 2017, с. 52]. Петроградская пресса постоянно писала о кражах, грабежах, убийствах, в целом отмечая

¹ Муниципальный отдел // Рабочий путь. 1917. 10 октября; В Городской думе // Рабочий путь. 1917. 13 октября.

рост уличной преступности, неспособность милиционеров справиться со своими обязанностями, часто снабжая статьи выразительными карикатурами и ироничными замечаниями¹.

К октябрю 1917 г. ни у одной из партий, избранных в состав Городской думы, не было большинства. По результатам выборов, состоявшихся 20 августа, большинство в Городской думе получила партия социалистов-революционеров, набрав 37,5% голосов избирателей, давших 75 мандатов гласных. Большевики получили 67 мест в Городской думе, набрав 33,5% голосов избирателей. За Партию народной свободы проголосовал 21% избирателей, что позволило кадетам получить 42 мандата. Меньшевики-интернационалисты получили 4% голосов, обеспечив себя 8 мандатами. Группа «Единство» набрала около 1% голосов, обеспечив себе 2 места. Остальные партии и группы набрали около 3% голосов избирателей, получив 6 мандатов. Всего на выборах проголосовало 549378 избирателей, что составило около 40% от всех жителей города, имевших избирательное право [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 524–525]. Председателем Городской думы был избран меньшевик-интернационалист А. А. Исаев, а товарищами председателя — кадет Л. А. Базунов, эсер Е. А. Трупп и большевик В. П. Милютин. Новым Городским головой стал член партии социалистов-революционеров Г. И. Шрейдер².

Уже к середине октября по городу начали распространяться слухи о готовящемся выступлении большевиков [Буддаков, 2010, с. 357–359; Аксенов, 2020, с. 915–916]. Дискуссии о приемлемости и необходимости восстания внутри самой партии, начавшиеся еще в конце сентября и достигшие апогея на заседаниях ЦК партии 10 и 16 октября³, открыто обсуждались в столичной прессе, в том числе и самими большевиками [Каменев, 1917]. Впервые по-настоящему в петроградском самоуправлении об очередной эскалации гражданского конфликта был поднят вопрос только 24 октября, когда противостояние между Военно-революционным комитетом и Временным правительством приняло уже форму силового противоборства.

На утреннем заседании общего присутствия Городской управы Городской голова Шрейдер предупредил о возможном выступлении большевиков, назначенном на 25 октября, что тут же вызвало острую дискуссию о роли городского самоуправления в назревающем кризисе. В начавшихся прениях представитель партии кадетов П. Н. Ге призывал к защите «существующего порядка», настаивая, что Городская дума должна занять ясную политическую позицию. Ге поддержал эсер И. И. Мильчик, заявив, что в случае выступления большевиков Дума «должна сразу встать во враждебное

¹ Новый. Борьба с преступностью // Новая петроградская газета. 1917. 14 октября; Китайцы убийцы // Новая петроградская газета. 1917. 17 октября; Охрана города // Вестник городского самоуправления. 1917. 17 октября; Разбойный Петроград // Новое время. 1917. 18 октября; При 400 разгромах за ночь, как должны стать граждане Петрограда // Огонек. 1917. № 41.

² Список гласных и подготовительных и исполнительных органов центральной и районных дум. 1917. Пг.: Гор. самоуправление, 63 с.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917–февраль 1918. 1929. М.; Л.: Государственное изд-во, 309 с. С. 99–108, 110–112, 115–125.

к Совету отношение». Представитель левых эсеров М. П. Капица утверждал, что раз «Вр[еменное] правительство своей слабостью довело страну до анархии» и нет оснований защищать «именно А. Ф. Керенского», то «Дума, оставаясь нейтральной, должна помочь созданию новой власти».

Позиция большевиков, сформулированная товарищем Городского головы А. В. Луначарским, сводилась к тому, что городскому самоуправлению необходимо оставаться нейтральным и предотвращать «анархические действия» и «тяжелые последствия выступления» с помощью «полномочных людей», направленных обеими сторонами в Думу¹. Члены общего присутствия Управы представляли роль Думы в случае выступления большевиков в соответствии с программами и взглядами партий, к которым принадлежали.

Попытки гласных прийти к компромиссу, определить роль и функции Думы продолжились в этот же день на чрезвычайном заседании Думы. Один из лидеров думской фракции эсеров Шрейдер призывал «создать ту третью силу, которая могла бы примирить эти враждующие стороны, которая могла бы создать возможность спокойного мирного разрешения конфликта, что одно и единственно только и является в интересах населения Петрограда, которое мы [общественное самоуправление] обязаны представлять»². Большевик А. В. Луначарский предлагал Думе «помочь до тех пор, пока на месте не окажется такая власть, которая твердой рукой остановит всякие беспорядки в городе»³. Дума, по мнению большевиков, должна была стать своеобразным «красным крестом» и лишь стараться минимизировать последствия проявления насилия противоборствующими сторонами, в равной степени являясь помощницей борющихся сторон⁴. Кадеты же выступали против нейтралитета местного самоуправления. Вслед за П. Н. Милюковым, В. Д. Набоков призывал выбрать гласных Думы «на стороне ли того правительства <...> [которое] имеет совершенно определенную задачу — установить порядок и подавить этот мятеж или [встать] на сторону этого мятежа»⁵.

Впрочем, определить роль столичного самоуправления в стремительно изменяющемся политическом пространстве, для гласных было невозможно без интерпретации выступления большевиков. Можно выделить две основные точки зрения, которые красной нитью прослеживаются в выступлениях всех ораторов. Для части думцев, как эсеров, кадетов, так и меньшевиков, выступление большевиков представлялось погромным движением. Для других же, в том числе и самих большевиков, грядущее выступление представлялось как борьба за власть Петроградского совета и Временного правительства. Но в общем, для всех гласных, вне зависимости от восприятия происходящих событий и партийной принадлежности, стал страх перед уличным насилием, как поли-

¹ В Городской думе // Дело народа. 1917. 25 октября.

² ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 33.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 20–21.

⁵ Там же. Л. 56–57

тическим, так и анархическим, которое может перерасти в «гражданскую войну того ужасающего, отвратительного типа, при котором люди друг друга совершенно не щадят, при котором нет никаких законов военного времени, никаких рамок первоначальной человеческой гуманности и политического смысла»¹. Таким образом, предотвращение насилия для петроградского самоуправления стало способом «предупредить гражданскую войну»².

Для этой цели на заседании 24 октября Петроградская городская дума создала Комитет общественной безопасности для «охраны безопасности граждан, а также охрану прав гражданина и человека»³. В состав комитета вошли представители городской и районных дум, Штаба Петроградского военного округа, петроградского градоначальника, Исполнительного комитета Всероссийского союза железнодорожников, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского центрального исполнительного комитета, Всероссийского комитета крестьянских депутатов и других «революционных демократических организаций». Председательствовал в комитете петроградский городской голова Шрейдер.

Для предотвращения эскалации насилия и его перерастания в гражданскую войну Комитет получил право отправлять эмиссаров из числа гласных Городской думы⁴. Подобная практика позволяла самоуправлению и другим заинтересованным лицам быстрее реагировать на стремительно изменяющуюся политическую ситуацию. С одной стороны, для назначения и отправки эмиссаров не требовалось общее голосование гласных в заседании Думы; с другой же — представители противоборствующих сторон могли помочь эмиссарам с получением пропусков и других необходимых средств для осуществления их деятельности. Горожан же Дума призывала сохранять спокойствие и «объединиться вокруг Думы, как полномочного представительного органа», подчеркивая, что самоуправление «против всяких насильственных и вооруженных выступлений»⁵. Текст воззвания был принят 53 голосами «за» кадетов и эсеров, против 16 при 4 воздержавшихся⁶.

На многочисленных утренних и дневных заседаниях Комитета общественной безопасности и Общего присутствия Городской управы под председательством городского головы 25 октября для предотвращения эскалации конфликтов Управа, в состав которой входили и члены Комитета, постановила «снабжать продовольствием обе борющиеся

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 19-20

² Там же. Л. 73.

³ От Петроградского Центрального Комитета Общественной Безопасности // Вестник Городского самоуправления. 1917. 29 октября.

⁴ Журнал Петроградской Городской Думы № 92. Заседание 24 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 6 с. С. 3–4, 6.

⁵ Там же. С. 3

⁶ Установить, кто голосовал против резолюции, не представляется возможным; ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 86

стороны» и принимать помощь в наведении порядка от обеих сторон¹. Одновременно с постановлением Управы Военно-революционный комитет, обеспокоенный возможным погромным движением и анархией на городских улицах, выпустил резолюцию, в которой брал на себя обеспечение общественного порядка, подчеркивая, что «преступники будут стерты с лица земли»², тем самым заняв более жесткую позицию как по отношению к преступникам, так и по отношению к допустимости внесудебного насилия.

В открывшемся в восемь часов вечера чрезвычайном заседании Думы центральной темой обсуждений стали слухи об ультиматуме большевиков Временному правительству и готовящемся войсками ВРК штурме Зимнего дворца. Слухи с новой силой подтолкнули думцев к эмоциональной дискуссии о допустимости силового свержения власти и легитимности насилия накануне Учредительного собрания, ответственности большевиков за происходящие события и как эти события интерпретировать. Если большинство ораторов выступало против восстания, говоря о неприемлемости насилия, то М. И. Калинин, возражая оппонентам из числа кадетов, эсеров и меньшевиков, утверждал, что большевики только защищаются от Временного правительства:

«Как вы разделяете вооруженное восстание в смысле нападения от защиты, от самозащиты от этого правительства. Если бы мы для того чтобы напасть на правительство, ждали бы того момента, когда оно само на нас нападет, то это значило бы, что мы были бы как быки, которые ждут, когда их убьют <...> Целый ряд правительственных актов последнего времени ясно показал, что правительство систематически на нас нападало»³.

В то же время большевик Д. З. Мануильский первым из гласных Думы назвал происходящее на улицах гражданской войны: «Происходит Гражданская война. Я с ужасом думаю так же, как вы, об этой Гражданской войне. Я хотел бы предотвратить ее, поверьте мне, я клянусь всей честью»⁴. Он призвал остальных гласных всеми силами способствовать мирному разрешению конфликта. Для этой цели гласные из своей среды избрали делегацию под предводительством Шрейдера и с участием большевиков, чтобы пройти в Зимний дворец, провести переговоры с противоборствующими сторонами и выяснить настоящее положение дел. Также было составлено воззвание, подчеркивающее, «что применение грубой физической силы при таких обстоятельствах совершенно недопустимо, Петроградская городская дума <...> выражает свой решительный протест против акта насилия и выражает Временному правительству <...> свою моральную поддержку»⁵.

¹ От Петроградской городской управы. 1917 // Вестник городского самоуправления. 27 октября.

² К населению Петрограда // Рабочий путь. 1917. 25 октября.

³ ОР РНБ Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 108–109

⁴ Там же. Л. 116.

⁵ Там же. Л. 116–117; Журнал Петроградской Городской Думы № 93*. Заседание 25 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 5

Кульминацией заседания стало предложение гласного эсера Н. Я. Быховского, сделанное около половины одиннадцатого вечера, «Думе пойти к Зимнему дворцу» и защитить революционное правительство, даже ценой жизни, чтобы предотвратить попытку «безответственных людей» «бросить нашу страну, уже и так находящуюся в беде, совершенно на погибель»¹. Такая инициатива вызвала бурные аплодисменты и эмоциональный подъем как со стороны гласных, так и публики. Гласная графиня Панина, например, предложила, чтобы «делегация встала пред орудиями, которые стреляют в Зимний дворец — пусть они стреляют в нас»². Острая и эмоциональная реакция большинства думцев вызвана не только политическими убеждениями, но и искренним гуманистическим желанием предотвратить эскалацию гражданского конфликта и кровопролития даже ценой своей жизни.

Однако риторика жертвенности для 1917 г. была не нова. Во время каждого политического кризиса разные политические акторы обещали принести себя в жертву во имя революции и свободы [Мельгунов, 1984, с. 129]. За идею марша к Зимнему дворцу проголосовали 60 гласных, 13 большевиков и 1 меньшевик-интернационалист проголосовали против, 3 же гласных воздержались³. В начале второго часа ночи делегация из 300–400 человек вышла из здания Петроградской городской думы с мешками с продовольствием для членов Временного правительства, прошла один квартал по Невскому проспекту, была остановлена революционным патрулем напротив Казанского собора, после чего отправилась обратно в Думу [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 340–341].

На следующий день после «демонстрации бессилия», ареста членов Временного правительства и перехода власти Советам в заседании Думы 26 октября снова обсуждался вопрос о легитимности насилия. В прениях А. И. Шингарев от имени Партии народной свободы заявил, что «фракция не в состоянии доверять моральному заявлению лиц, которым место в тюрьме и под судом, тем более что преступные элементы никому не подчиняются», поэтому кадеты проголосуют за разрешение использовать оружие для защиты жилищ и имущества. Эсеры поддержали кадетов. Фракция меньшевиков-интернационалистов также выступила за разрешение применять оружие, «так как всеобщее вооружение народа всегда входило в программу партии». Только большевики выступили против этой резолюции, отмечая, что использование гражданами оружия «не диктуется обстоятельствами»⁴.

Столичные гласные не могли разобраться в происходящих событиях и выработать общую тактику действий и роли самоуправления. Как вспоминал В. Д. Набоков, заседания были «сплошной истерикой» и «носили характер сплошного митинга» [Набоков, 1922,

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 111–113

² Там же. Л. 122.

³ Журнал Петроградской Городской Думы № 93*. Заседание 25 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 6

⁴ Журнал Петроградской Городской думы № 94. Заседание 26 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 2.

с. 88]. У гласных сложились разные, не всегда связанные с партийной принадлежностью, представления о выступлении большевиков, целесообразности думских практик в предотвращении насилия и роли самой Думы.

Однако главным оставался вопрос о власти, который влиял на самоидентификацию гласных, репрезентацию перед горожанами Думы в целом и ее политики не только на городском, но и на национальном уровне. Показательным стало вечернее заседание 27 октября, на котором до думцев стали доходить первые обрывочные и неточные сведения о занятии Гатчины войсками Керенского-Краснова, встреченные бурными аплодисментами с правых скамей. Шрейдер сделал уже ставшее традиционным предложение выслать навстречу войскам эмиссаров, «которые взяли бы на себя посредничество между теми и другими»¹.

Но в этот раз подобная инициатива поставила перед думцами вопросы о том, как воспринимать власть Временного правительства (в лице А. Ф. Керенского) и какую власть, в зависимости от личных убеждений и партийной принадлежности, считать законной, а следовательно — у кого из властных акторов есть монополия на насилие и что является легитимным насилием. Эти вопросы незримо подталкивали гласных к выбору одной из противоборствующих сторон и к осмыслению кризиса как начавшейся гражданской войне. Удачнее всех затруднительное положение, в котором оказалась Дума, сформулировал гласный меньшевик М. Ф. Назарьев:

«что наши эмиссары будут делать? Или же они должны обратиться к тем войскам, которые идут сюда, убеждать их не проливать братской крови, следовательно наши эмиссары должны стать на сторону большевиков <...> Или же наоборот — они должны обратиться к тем войскам, которые стоят здесь, убеждать их здесь не проливать крови, но в том случае они этого не достигнут, они должны будут стать на противоположную сторону и наоборот, призывать те войска проливать братскую кровь»².

После коротких прений, закрытых председательствующим, Дума проголосовала за отправку эмиссаров. В этом качестве из числа гласных были избраны эсеры М. П. Капица, А. В. Нарьжный и меньшевик А. В. Чернев³. Однако надо обратить внимание на заявление, сделанное во время прений трудовиком Н. А. Галяшкиным:

«Раз те войска [Керенского-Краснова] идут сюда на помощь, то, конечно, странно посылать эмиссаров для того, чтобы остановить движение тех войск <...> Тогда бывшая власть и настоящая власть, и та и другая будут знать, что имеется реальная сила, и я думаю, что узурпаторская власть должна будет уступить»⁴.

Таким образом, в заседаниях Думы стали всё чаще звучать идеи активной поддержки одной из противоборствующих сторон и допустимости законного насилия теми, кого отдельные гласные, а впоследствии фракции и партии считали законной властью.

¹ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 155.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Л. 161.

⁴ Там же. Л. 158.

28 октября перед зданием Городской думы на углу Михайловской улицы и Невского проспекта произошла перестрелка, в которой была смертельно ранена женщина¹. Гласные, узнав о случившемся, в проходящем в эти же минуты заседании Городской думы с новой силой принялись обсуждать меры по предотвращению случайного насилия. Член фракции эсеров А. В. Нарыжный внес предложение о запрете митингов, скопления людей на столичных улицах для предотвращения кровопролития, что подтолкнуло к новой дискуссии о роли Думы в политической борьбе и способах предотвращения эскалации гражданского конфликта. Так, эсер К. Л. Луцкий указывал, что мобилизуется «громодная часть населения» против большевиков и постановление Думы, запрещающее митинги, только пойдет на пользу большевикам². В свою очередь меньшевик-интернационалист М. Ф. Назарьев призывал Думу не вставать на определенную позицию, отмечая, что гласные не «должны действовать только в одну сторону <...> не должны призывать одних, не призывая других»³. Высказывались даже предложения, вероятно из-за памяти о неудавшемся шествии к Зимнему дворцу, об отказе Думы от практики принятия и публикации обязательных постановлений, поскольку у самоуправления нет реальной силы обеспечивать их исполнение, и единственное, что остается самоуправлению — моральный авторитет, который страдает от невозможности Думы обеспечить исполнение своих же обязательных постановлений⁴.

Однако такая точка зрения не сыскала поддержки большинства, и редакционная комиссия Петроградской городской думы, по поручению гласных, выпустила воззвание к населению Петрограда, призывающее горожан не выходить без надобности на улицы и не устраивать уличных митингов⁵. Воззвание начиналось словами: «Преступно начатая большевиками междоусобная война», что стало первым официальным текстом, изданным столичным самоуправлением, где Петроградская городская дума заявила о начале «междоусобной войны» и «братоубийства», обвинив в ее развязывании партию большевиков. Однако надо подчеркнуть, что словосочетание «гражданская война», постоянно используемое гласными во время выступлений, в текстах предыдущих и последующих воззваний не фигурирует.

В отличие от Думы, раздираемой противоречиями, наемные служащие и рабочие самоуправления заняли более определенную позицию по отношению к выступлению большевиков. 26 октября на дневном заседании Думы выступил председатель исполнительного комитета федеративного Союза объединенных работников Петроградского городского общественного самоуправления, заявивший, «что Союз всецело предостав-

¹ Там же. Л. 188.

² Там же. Л. 193–194.

³ Там же. Л. 191.

⁴ Там же. Л. 195–196.

⁵ Там же. Л. 220–221; Журнал Петроградской Городской Думы № 97. Заседание 28 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг]: городская типография, 1917. 10 с. С. 6

ляет свои силы в ее [Думы] распоряжение»¹. 28 октября служащие управления Петроградской городской железной дороги присоединились к резолюции Федеративного союза, заявив, что с «возмущением отвергают засилье временного революционного комитета»², созданное большевиками путем заговора»³. В управлении городским трамваем служило около 800 человек⁴.

В этот же день в вечернем заседании Городской думы Председатель совета служащих и рабочих петроградской телефонной сети прочитал постановление общего собрания, которое решило «протестовать самым категорическим образом <...> против насильственного захвата власти и посягательства на завоевания прав демократии»⁵. Лейтмотивом всех присланных резолюций стала идея трансформации Петроградской городской думы из хозяйственного института в объединяющий центр демократических сил и самосознание политической субъектности Думы.

Таким же эмоциональным, но более консолидированным, было отношение всех гласных и служащих (как кадетов, так и большевиков) петроградского самоуправления к случаям проявления вопиющего насилия и жестокости во время антибольшевистского восстания юнкеров в Петрограде. На вечернем заседании Думы 29 октября был заслушан короткий доклад комиссара II Адмиралтейского подрайона, который, описывая события, произошедшие в его подрайоне, отдельно остановился на случаях проявления особой жестокости по отношению к юнкерам. Так, комиссар докладывал, что на его глазах и при стечении большой толпы юнкеров, молящих о помиловании, стоящих на коленях около городской телефонной станции, расстреляли. Комиссару милиции II Адмиралтейского подрайона даже пришлось просить матросов Второго балтийского флотского экипажа застрелить избитых и раненых юнкеров, просящих об этом. «И вот этих полудобитых юнкеров, вслед за этим раздели, сняли с них сапоги, ударили о перила и бросили в Мойку». Такая же участь постигла и раненого поручика, «который уже будучи брошенным в присутствии массы публики, молил о том, чтобы его доби́ли»⁶. Это сообщение было встречено гласными и публикой криками возмущения и протеста, но никакого постановления или воззвания принято не было.

Надо подчеркнуть, что на протяжении 29 октября думские эмиссары отправлялись на телефонную станцию, к Владимирскому военному училищу и Михайловскому артиллерийскому училищу в попытках предотвратить военные действия и проявление насилия победивших над проигравшими в центре столицы. Однако даже председатель Думы, с общего одобрения гласных, во время бурного обсуждения происходящих в столице

¹ Журнал Петроградской Городской думы № 94. Заседание 26 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 9 с. С. 6

² Имеется в виду Военно-революционный комитет.

³ Журнал Петроградской Городской Думы № 97. Заседание 28 октября 1917 г. (внеочередное). [Пг].: городская типография, 1917. 10 с. С. 5

⁴ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 1. Л. 212

⁵ Там же. Л. 261.

⁶ Там же. Л. 334–335.

событий замечал, что у Городской думы «есть только единственные меры, это меры сила нашего авторитета и сила нашего морального и общественного воздействия и путь осуществления этой меры люди»¹.

Петроградская городская дума не могла остаться безучастной к событиям в Москве. 2 ноября на вечернем заседании зачитывалась телеграмма из Москвы, информируя гласных, что в результате городских боев «выгорел Василий Блаженный, разрушены Успенский собор и Городская дума, выгорела Большая Тверская» и для спасения города и его населения необходимо вмешательство Петроградской Городской думы, чтобы она хоть как-то помогла в урегулировании отношений и предотвращении еще большего насилия². Эта телеграмма привела в ужас гласных Думы и служащих самоуправления, которые тогда не знали, что сообщения не соответствуют действительности. Городская дума постановила незамедлительно отправить эмиссаров в Москву — для помощи и прояснения ситуации (подробнее см. [Грунт, 1976]).

В этот же день товарищ городского головы большевик А. В. Луначарский отправил письмо в Совет народных комиссаров о выходе в отставку с поста наркома просвещения. В письме Луначарский, ужасаясь разрушением архитектурных памятников и гибелью тысяч жертв, отмечал: «Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя»³. Только 7 ноября в Думе выступили эмиссары, вернувшиеся из Москвы, и приехавший в Петроград московский Городской голова В. В. Руднев. Руднев был встречен бурными аплодисментами. Однако его речь не вызвала того эмоционального отклика, который охватил Думу 2 ноября, хотя она была еще более эмоциональна и подробна, нежели зачитанная телеграмма и отдельные сообщения, поступавшие в Думу впоследствии. Открывшиеся прения после доклада Руднева и эмиссаров носили деловой характер. Гласные более хотели уточнить состояние города и его хозяйства, нежели эмоционально выражали свое негодование и солидарность с Москвой (подробнее см. стенографические отчеты⁴ и [Тарасов, Кондратьев, 2020, с. 102–121]).

В восприятии повседневного политического насилия и крайних форм его проявления, как и общей тактики Думы по борьбе с ним, среди членов и служащих самоуправления не было единства. Однако как кадеты, правые эсеры, так и меньшевики-интернационалисты и большевики старались предотвратить еще большую эскалацию гражданского конфликта, грозящего перерасти в гражданскую войну на улицах столицы. Если отдельные случаи самоуправления и самосудов, учиненных солдатами, матросами и другими революционизированными акторами, силами самоуправления нельзя было предотвратить, то организованные выступления большевиков и антибольшевистских сил, грозящие кровопролитием на городских улицах, по мнению гласных Петроградской городской думы, можно было избежать.

¹ Там же. Л. 318.

² Там же. Л. 588.

³ Отставка А. В. Луначарского // Новая жизнь. 1917. 3 ноября.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 2. Л. 224–256.

Общую борьбу все фракции Думы после 27 октября вели против акторов, пытавшихся вмешаться в деятельность жизненно важных для петроградцев отраслей хозяйства. Например, 29 октября из гаража городского самоуправления вооруженным отрядом военно-революционного комитета было реквизировано «для нужд революции» 4 грузовых и 2 легковых автомобиля. Эти машины были чрезвычайно важны для подвоза топлива к городским электростанциям, заменить их было нечем¹. 1 ноября красногвардейцы, по распоряжению районного ВРК Петергофского района, в центральной районной пекарне, находящейся в ведении самоуправления, реквизировали 1200 пудов хлеба. Из-за этого район со 150000 населением целый день оставался без хлеба². Эти и подобные случаи насилия в отношении столичного самоуправления осуждались всеми его гласными и служащими, включая радикальных социалистов. Думские эмиссары, избранные из состава всех фракций думы, направлялись в ВРК, где отстаивали права самоуправления. Так, реквизированные автомобили были возвращены в гараж самоуправления 1 ноября, но реквизированный хлеб, из-за недостатка муки в распоряжении ВРК, комитет не смог возместить Особому присутствию по продовольствию.

С конца октября по начало ноября 1917 г. всем фракциям Городской думы удавалось плодотворно сотрудничать и предотвращать или сглаживать насилие, производимое в отношении местного самоуправления. В первых числах ноября в Думе наметился окончательный политический раскол, положивший конец сотрудничеству большевиков и меньшевиков-интернационалистов с другими фракциями. Поводом для окончательного разрыва большевиков с петроградским самоуправлением стало изменение времени начала думских заседаний. Гласные большинством голосов постановили, что вечерних заседаний, которые обычно открывались в 8–9 часов вечера, проводиться не будет. Вместо этого Дума будет собираться в 2 часа дня. Отчасти такое решение было связано с перебоями в поставке электричества и трудностями в освещении зала заседаний в темное время суток.

5 ноября на заседании Думы П. А. Кобозевым, одним из лидеров большевистской фракции, было сделано заявление, в котором он от лица фракции просил вернуть прежнее время начала заседаний, поскольку днем никто из ее членов не мог присутствовать. Фактически большевики лишились возможности выступать в заседаниях и права голосовать. Просьба была отклонена большинством гласных³. На следующих заседаниях всё чаще раздавались призывы кадетов и эсеров исключить большевиков из состава Городской думы, Управы и подведомственных им учреждений, поскольку те, по мнению думского большинства, были виновны в «кровопролитии» и развязывании гражданской войны.

7 ноября П. А. Кобозев направил в СНК письмо, где сообщал, что большевикам не дают выступать на заседаниях, пытаются их незаконно удалить из Думы. 9 ноября на заседании Совета народных комиссаров был поднят вопрос о роспуске Городской

¹ Там же. Л. 319–323

² Там же. Л. 623–630

³ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. хр. 2. Т. 2. Л. 153–154.

думы, а большевистской думской фракции было поручено подготовить проекты декретов о роспуске Думы и о проведении новых выборов. 15 ноября эти декреты¹ были одобрены СНК, 16 ноября подписаны В. И. Лениным, а 17 ноября опубликованы [Дубенцов, Нардова, 2005, с. 357–358]. Так, Петроградская городская дума созыва 20 августа 1917 г. была распущена 17 ноября 1917 г.

Выводы

Исследование практик легитимации насилия в условиях нарастающего гражданского конфликта, переходящего в гражданскую войну, через призму восприятия и легитимация насилия столичным самоуправлением на локальном уровне позволяет иначе взглянуть на трансформацию политической культуры революции и радикализацию поляризованных групп общества.

В историографии, посвященной местному самоуправлению Петрограда в 1917 г., сложилось представление, что сразу после Октябрьского восстания Городская дума стала одним из главных центров контрреволюции и была гомогенна в своих взглядах, кроме радикальных-социалистов [Комиссаренко, 1983, с. 166–171; Кручковская, 1986, с. 81–121; Дубенцов, Нардова, 2005, с. 349–358]. Так, В. М. Кручковская отмечает, что Дума проявила свой контрреволюционный характер уже 24 октября, создав Комитет общественной безопасности, а в начале ноября «Городская дума стала одним из организаторов мятежных выступлений сил контрреволюции» [Кручковская, 1986, с. 114]. Этот же тезис укоренился в обобщающих работах по истории революции и гражданской войны и зачастую переносится на всё общественные самоуправления России.

Однако в первые дни после прихода большевиков к власти Петроградская городская дума не была центром контрреволюции. Попытки выработать общую позицию местного самоуправления по отношению к выступлению большевиков, предпринятые 24–27 октября, провалились. Некоторые гласные думы, в особенности представители Партии народной свободы, 24–26 октября обвиняли большевиков в развязывании гражданской войны, однако это не было позицией всего столичного самоуправления. 28 октября в воззвании к петроградскому населению, принятом с незначительным перевесом при голосовании, Городская дума заявила о «братоубийственной войне», начатой большевиками. Только в первых числах ноября со стороны меньшевистских фракций была сделана попытка выдавить из органов самоуправления гласных большевиков.

Случаи политического насилия, происходившие на улицах Петрограда и Москвы, воспринимались Петроградской городской думой как акты, требующие морального осуждения и порицания. Однако восприимчивость гласных к проявлению насилия быстро рутинизировалась. Если в конце октября проявления политического насилия воспринимались на заседаниях Думы чрезвычайно эмоционально, то к середине ноября 1917 г. проявление насилия стало обыденным делом и вызывало скорее деловую, нежели эмоциональную реакцию.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.

Не было среди думцев и конвенционального взгляда на применение «законного насилия». Кадеты и правые эсеры полагали, что гражданин или законная власть имели легитимное право на применение насилия для защиты своих интересов и собственности. Левые же эсеры, меньшевики-интернационалисты и большевики видели в подобном применении насилия путь к эскалации конфликта, утверждая, что Дума не имеет права призывать прекратить кровопролитие одну противоборствующую сторону и поддерживать насилие, осуществляемое другой.

Таким образом, в восприятии кадетов, умеренных социалистов, социалистов-революционеров, некоторых левых эсеров из числа думской фракции и меньшевиков, гражданская война в России началась в октябре 1917 г., что заставило гласных определиться, к какой из противоборствующих сторон примкнуть. На их взгляд, легитимным правом на насилие обладала лишь законная власть. Но какая это власть и кто ее должен осуществлять, гласные и служащие самоуправления не знали. Для части гласных такой властью выступало Временное правительство и его представители; другие же полагали, что единственной законной властью в Петрограде является само самоуправление, поскольку оно было избранно на общих демократических выборах; радикальные социалисты в свою очередь утверждали, что советская власть является единственно законной. Практики применения политического насилия в борьбе за власть как для правых, так и для левых гласных стали рутинными и приемлемыми. Осуждение насилия у противоборствующих лагерей по отношению друг к другу зависело от того, кто какую власть считает законной. Но все акторы видели угрозу в случайном насилии и случайных жертвах, ведущих к еще большей поляризации и радикализации общества. Пространством же для компромисса и сотрудничества стало моральное осуждение и реальные попытки предотвращения чрезмерного, неоправданно жестокого насилия, которое выходило, даже в условиях брутализированных практик поведения, за границы сформировавшейся нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аксенов В. Б. 2020. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение. 984 с.
- Бруиш К., Катцер Н. (ред). 2014. Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение. 208 с.
- Буддаков В. П. 2010. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 965 с.
- Годунов К. В. 2022. «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России: сборник статей / под. ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 37–59.
- Годунов К. В. Колоницкий Б. И. 2021. «Корниловщина» как «Гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. Серия История. 2021. № 3. С. 78–87.
- Грунт А. Я. 1976. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М.: Наука. 387 с.

- Дубенцов Б. Б., Нардова В. А. (ред.). 2005. Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб.: Лики России. 541 с.
- Зак А. 1917. Муниципальные заметки «Органическая работа» большевиков // Дело народа. 18 октября.
- Кабытова Н. Н. 2012. Муниципальные выборы 1917 г. в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. № 8/1. С. 75–80.
- Каменев Ю. 1917. О выступлении // Новая жизнь. 18 октября.
- Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. 2022. «Гражданская война»: политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Рынков. Новосибирск. С. 344–360.
- Комиссаренко Л. А. 1983. В борьбе за массы: Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л.: Лениздат. 184 с.
- Кручковская В. М. 1986. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л.: Наука. 138 с.
- Ленин В. И. 1969. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы. Т. 34. 584 с.
- Мельгунов С. П. 1984. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 г. London.: Overseas publ. interchange. 390 с.
- Набоков В. Д. 1922. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин: Слово. Т. 1. С. 9–96.
- Тарасов К. А. 2022. Грядущий хам и торжествующие «хамы». Из истории легитимации насилия в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. № 2. С. 81–97.
- Тарасов К. А., Кондратьев М. А. 2020. «Большевизм это мираж» Доклад Городского головы В. В. Руднева об октябрьских событиях в Москве // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. №. 2. С. 102–121.
- Тепляков А. Г. 2023. Красные партизаны на Востоке России. 1918–1922: девиации, анархия, террор. М.: Новое литературное обозрение. 840 с.
- Engelstein L. 2018. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. New York: Oxford University Press. 832pp.
- Hasegawa T. 2017. Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass; London: Belknap press of Harvard university press. 351 pp.

References

- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914–1918* [Rumors, images, Emotions. Mass Attitude of Russians in the years of War and Revolution, 1914–1918]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [In Russian].
- Bruish, K., Kattser, N. (Eds.). (2014). *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi porjadok, publichnaya kommunikatsiya, i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epoch* [Russia's Big War: Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Epochs.]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [In Russian].
- Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Smuta: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. *ROSSPEN*. [In Russian].

- Godunov, K. V. (2022). "Grazhdanskaya voyna": politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya vesnoi 1917 g. In B. I. Kolonitskii *et al.* (Eds.), *Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoi voiny v Rossii* [Words and Conflicts: The Language of Confrontation and the Escalation of the Civil War in Russia] (pp. 37–59). Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. [In Russian].
- Godunov, K. V., & Kolonitskii, B. I. (2021). "Kornilovshchina" kak "Grazhdanskaya voyna": ispol'zovanie ponyatiya v usloviyakh politicheskogo krizisa ["Kornilovshchina" as a "Civil War": the use of the concept during a political crisis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istoriya*, (3), 78–87. [In Russian].
- Grunt, A. Ya. (1976). *Moskva 1917-i: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya* [Moscow 1917: Revolution and Counter-Revolution]. Nauka. [In Russian].
- Dubentsov, B. B., & Nardova V. A. (Eds.). (2005). *Peterburgskaya gorodskaya дума. 1846–1918* [St. Petersburg City Duma. 1846–1918]. Liki Rossii, 541. [In Russian].
- Zak, L. (Oct. 18, 1917). Munitsipal'nye zametki "Organicheskaya rabota" bol'shevikov [Municipal notes "Organic Work" of the Bolsheviks]. *Delo naroda*. [In Russian].
- Kabytova, N. N. (2012). Munitsipal'nye vybory 1917 g. V Povolzh'e [Municipal elections of 1917 in the Volga region]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, (8/1), 75–80. [In Russian].
- Kamenev, Yu. (Oct. 18, 1917). O vystuplenii [About the speech]. *Novaya zhizn*. [In Russian].
- Kolonitskii, B. I., Godunov, K. V., & Tarasov, K. A. (2022). "Grazhdanskaya voyna": politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya i kul'turnaya podgotovka grazhdanskoi voiny ["Civil War": political use of the concept and cultural preparation of the civil war]. In V. M. Rynkov (Ed.), *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sbornik nauchnykh trudov* [Civil War in Russia: Problems of Leaving, Historical Consequences, Contemporary Lessons] (pp. 344–360). [In Russian].
- Komissarenko, L. A. (1983). *V bor'be za massy: Munitsipal'naya deyatel'nost' petrogradskikh bol'shevikov v period podgotovki Oktyabr'skoi revolyutsii* [In the Struggle for the Masses: Municipal Activity of the Petrograd Bolsheviks during the Preparation of the October Revolution]. Lenizdat. [In Russian].
- Kruchkovskaya, V. M. (1986). *Tsentr'al'naya gorodskaya дума Petrograda v 1917 g.* [Central City Duma of Petrograd in 1917]. Nauka. [In Russian].
- Lenin, V. I. (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works] (Vol. 34). Izdatel'stvo politicheskoi literatury. [In Russian].
- Mel'gunov, S. P. (1984). *Kak bol'sheviki zakhvatili vlast': Oktyabr'skii perevorot 1917 g.* [How the Bolsheviks Seized Power: The October Coup of 1917]. Overseas publ. interchange. [In Russian].
- Nabokov, V. D. (1922). Vremennoe pravitel'stvo [Provisional Government]. In *Arxiv russkoi revolyucii* [Archives of the Russian Revolution] (Vol. 1, pp. 9–96). Slovo. [In Russian].
- Tarasov, K. A. (2022). Gryadushchii kham i torzhestvuyushchie «khamy». Iz istorii legitimatsii nasiliya v 1917 godu [The coming boor and the triumphant "boor". From the history of legitimization of violence in 1917]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya*, (2), 81–97. [In Russian].
- Tarasov, K. A., & Kondratyev, M. A. 2020. "Bol'shevizm eto mirazh": Doklad Gorodskogo golovy V. V. Rudneva ob oktyabr'skikh sobytiyakh v Moskve ["Bolshevism is a mirage" Report

Петроградская городская дума на пороге Гражданской войны...

of the City Mayor V. V. Rudnev on the October events in Moscow]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, (2), 102–121. [In Russian].

Тепляков, А. Г. (2023). *Krasnye partizany na Vostoke Rossii. 1918–1922: deviatsii, anarkhiya, terror* [Red Partisans in the East of Russia. 1918–1922: Deviations, Anarchy, Terror]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 840 s. [In Russian].

Engelstein, L. (2018). *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford University Press.

Hasegawa, T. (2017). *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*. Belknap press of Harvard university press.

Информация об авторе

Михаил Александрович Кондратьев, младший научный сотрудник, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
mkondratyev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7989-2789>

Information about the author

Mikhail A. Kondratyev, Researcher, Department of History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
mkondratyev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7989-2789>